

С.Я. Штрайх

Н.И.Пирогов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
С11

С11 **С.Я. Штрайх**
Н.И.Пирогов / С.Я. Штрайх – М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-458-25531-8

Содержание. Годы детства В московском университете Подготовка к профессуре Вершины творчества Любовь великого хирурга Профессура в Петербурге Великий маскарад «Всероссийские» иллюзии «Эпоха великого обмана» - От автора Библиографические справки.

ISBN 978-5-458-25531-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти.

В. И. Ленин — Сочинения, XV, 143.

Противоречия требуют не примирения, а изучения их причин... Буржуазный строй не способствовал росту индивидуальности, а своекорыстно сдерживал этот рост идеями, которые прикрито или явно утверждают его власть над большинством людей.

М. Горький — „О старом и новом человеке“.

Н. И. Пирогов
(1837 г.)

С литографии.

Перевод немецкой надписи см. в тексте—стр. 61.

ГОДЫ ДЕТСТВА

НИКОЛАЙ Иванович Пирогов родился 13(25) ноября 1810 года в Москве в семье чиновника военного ведомства, Ивана Ивановича Пирогова, отец которого Иван Михеич происходил из крестьян и был солдатом Петровской армии.

Поселившись по выходе в отставку в Москве, Иван Михеич Пирогов, как человек предприимчивый и бывалый, завел в Москве новую для своего времени, усовершенствованную на заграничный лад пивоварню. Нрава был Иван Михеич строгого, в семье держался начальственно и с женой обращался сурово. Но когда жена, под конец жизни, повредила в уме, настал ее черед бранить и даже поколачивать мужа. После смерти жены старик Пирогов перешел на житье к сыну своему Ивану Ивановичу, который при хорошем для того времени образовании вышел в чиновники. Долог был век Ивана Михеича: крепкий старик, помнивший еще Петра I, пережил приход Наполеона на Москву и все тосковал зимою, печаловался внукам: «От, детки, верно, Михеичу уж зеленой травы не топтать». Много зим прошло, а Иван Михеич топтал и топтал траву на дворе усадьбы своего сына да играл с многочисленными внучатами.

Казначейский чиновник провиантского депо Иван Иванович Пирогов был к этому времени уже в немалом чине. Родился он около 1772 года и приблизительно двадцати двух лет от роду женился на девушке из старой московской купеческой семьи Новиковых. Елизавета Ивановна была четырьмя годами моложе мужа, отличалась мягким, нежным характером и добрым, любвеобильным сердцем. С мужем жила хорошо и дружно.

В отца вышел Иван Иванович хозяйственной сметкой. В начале XIX века построил он в Москве для своей семьи большой дом по Кривоярославскому переулку, во втором участке Басманной части, в приходе «святой троицы в Сыромятниках». Дом был со значительными удобствами и различными затеями, свидетельствовавшими о большом художественном вкусе хозяина. Внутри и снаружи дом был красиво украшен, стены и потолки всех комнат расписаны фрес-

ками, а сад при доме был разбит по всем требованиям тогдашней садовой культуры. Был свой выезд. Жили широко и гостеприимно.

Почти каждый год рожала Елизавета Ивановна детей — иные выжидали, другие умирали в раннем детстве. Мальчиков отдавали учиться. Девочек Елизавета Ивановна держала при себе и дала им познать только начальную грамоту, больше учиться — излишняя роскошь: «И родительница покойная без грамоты хорошо век прожила и сама я при одной грамоте вот какое хозяйство веду; пускай учатся домом править, а от книжек для девок баловство только».

Иван Иванович уважал образование, держал дома хорошее собрание книг — от Палласова путешествия по России до дон Кихота, которого любил вечерами читать в кругу семьи, но в споры с женою по вопросам о воспитании детей не вступал. Некогда было ему за многими делами заботиться об этом. Иван Михеич приучил детей к честности, и никаких побочных доходов Иван Иванович от служебных занятий не имел, был белой вороной в кругу интендантских чиновников. А большая семья требовала значительных средств. Поэтому приходилось, кроме казенной службы, заниматься еще ведением частных дел. Знавшие честность и деловитость Ивана Ивановича Пирогова богатые генералы, сталкивавшиеся с ним по службе в военном ведомстве, охотно поручали ему управление своими московскими домами, что давало семье возможность жить с изрядным достатком.

Детей у Пироговых было много. Старший сын, Петр, родился около 1795 года. Какое образование он получил, неизвестно. Служил в каком-то казенном учреждении, сильно играл в карты и вынужден был оставить службу в связи с крупным проигрышем и растратой казенных денег. Покрытие этой растраты сильно отразилось на имущественном положении отца, а все вообще поведение сына Петра было источником многих огорчений для Ивана Ивановича. Даже семейной жизнью своей Петр был несчастлив: женился на какой-то невзрачной особе, маялся и бедствовал. Умер он в 1849 году от холеры.

Были у Николая Ивановича еще братья: Александр, родившийся около 1797 года и умерший после 1815 года; Аммос, родившийся около 1806 года, умерший семнадцати лет. Этот учился уже вместе с братом Николаем в знаменитом московском пансионе Кряжева. Другие братья умерли детьми.

Иван Иванович Пирогов имел несколько дочерей. Как относилась Елизавета Ивановна к вопросу об их образовании, сказано выше. Две из этих дочерей долго жили с матерью у брата Николая Ивановича: Пелагея Ивановна, родившаяся около 1798 года и жившая еще в 40-х годах, и Анна Ивановна, родившаяся в 1799 году и умершая в семидесятилетнем возрасте. Сама Елизавета Ивановна умерла в доме сына, в Петербурге, 16 марта 1850 года.

Весь строй семейной жизни Пироговых был патриархальный, вся обстановка была консервативная. Детям прививалась религиозность в духе церковного благочестия. В положенные дни их водили в церковь, отец и мать подолгу читали молитвы, не пропускали заутреню, всенощных и обеден в праздничные дни. В особо торжественных случаях устраивались паломничества к Троице-Сергию. Посты соблюдались ревностно, а мяса в великий пост не получала даже кошка — любимица детей.

Жилось в доме Пироговых легко и привольно. Отец был примерный семьянин, мать любила детей горячо и дети платили ей тем же, и между собою жили дружно.

Детские годы оставили в душе Николая Ивановича светлые воспоминания. Прошли они под руководством няни, Екатерины Михайловны, о которой Пирогов вспоминал так же хорошо и сердечно, как Пушкин об Арине Родионовне, и благотворное влияние которой признавал всегда.

Кроме няни, была еще в доме крепостная служанка, Прасковья Кирилловна, большая мастерица рассказывать сказки. Ей считал себя Пирогов обязанным любовью к народной словестности и возникшей отсюда любовью к литературе вообще. До глубокой старости помнил он сказки этой женщины, которая грамоты не знала, но память имела отличную. От Прасковьи Кирилловны запомнил мальчик разные стихи.

В раннем детстве занимали Пирогова потешные рассказы и прибаутки друга его отца, подлекаря Григория Михайловича Березкина. Он задавал мальчику загадки по-латыни, приучал его к обращению с этим языком.

Другим знакомым семьи Пироговых, имевшим значение для развития Николая Ивановича в детские годы, был знаменитый оспопрививатель и акушер Андрей Михайлович Клаус. До Москвы, куда он переехал в 1791 году, Клаус служил городским акушером в Уфе, и о нем сохранил теплое воспоминание Сергей Тимофеевич Аксаков. Пирогова занимал Клаус, кроме своей оригинальной наружности, маленьким микроскопом, всегда находившимся при нем в кармане. «Раскрывался черный ящичек,—вспоминал Пирогов в старости,—вынимался крошечный блестящий инструмент, брался цветной лепесток с какого-нибудь комнатного растения, отделялся иглою, клался в стеклышко,—и все это делалось так тихо, чинно, аккуратно, как будто совершалось какое-то священнодействие. Я не сводил глаз с Андрея Михайловича и ждал с замиранием сердца, когда он пригласит заглянуть в его микроскоп».

Из детских игр любимейшими были у Пирогова игра в войну, где он проявлял, вызывавшие похвалу и уважение товарищей, отвагу и

храбрость, и игра в лекаря, в которой он внешними приемами подражал их домашнему врачу Е. О. Мухину.

Грамоте Николай Иванович выучился без посторонней помощи по распространенным тогда, особенно в московских домах, картинкам — карикатурам на французов. Картинки эти изображали эпизоды из войны с Наполеоном, а пояснительные подписи начинались с соответственных букв русской азбуки. И содержание картинок, и подписи к ним были в педагогическом отношении нелепы, — признавал Пирогов впоследствии, но влияние их на детей было, по его словам, значительно.

Эти первые карикатурные впечатления развили в мальчике склонность к насмешке и свойство скорее подмечать и порицать в людях смешную и худую сторону, чем восторгаться кажущейся хорошей. Вместе с тем карикатуры над кичливым, грозным и побежденным Наполеоном, изображения его бегства и русских побед, по словам Пирогова, рано развили в нем любовь к «славе отечества». Но, как Николай Иванович сам впоследствии подчеркивал, наряду с горячей любовью к родине в нем рано развилась «непреодолимая брезгливость к национальному хвастовству, ухарству и шовинизму».

По этим же самым картинкам-карикатурам на Наполеона учился грамоте Александр Иванович Герцен, родившийся двумя годами после Пирогова, учились и другие их сверстники. Они дают такой же отзыв об их воспитательном значении.

Рано научившись читать, Пирогов жадно набросился на книги, которые ему и братьям охотно дарил отец, умевший выбирать лучшее на московском книжном рынке. Те же книги выбирали тогда для своих детей родители во всех передовых семьях нарождающейся буржуазии, еще не тронутой тягой к подражанию дворянству, где в детской царили иноземцы, особенно французы.

Список чтения Николая Ивановича в семи-восьмилетнем возрасте разнообразен и включает в себе книги различного педагогического достоинства.

Вот, например, «Зрелища вселенные, на латинском, российском и немецком языках». Это собрание картинок из разных областей природы, из городской жизни, из промышленности, с обозначением названий изображенных на них предметов по-латыни, по-русски, по-немецки и по-французски с подробными пояснительными замечками на первых трех языках. Материал был подобран интересно и разнообразно. Составители заботились даже о некотором политическом воспитании своих юных читателей. В числе других отделов имеются в «Зрелище» главы о «происхождении дворянства», о «происхождении гражданства», о «происхождении крестьянства» и т. п. Знакомя читателя с жизнью крестьян, якобы в Германии, автор объясняет,

что состояние крепостных там «не много лучше лошадей и волов; они продаваемы были, как и сии, да и господа, рассердившись, лишали иногда их жизни». «Судьба их,—прозрачно намекает автор, конечно со своей либерально-крепостнической точки зрения,—всегда достойна сожаления. В немногих только странах, где пользу, приносимую сим состоянием, умели ценить по-настоящему, была она сносна,—да и достойна почтения, как в Швеции».

Был еще «Детский магнит, привлекающий детей к чтению», содержащий сказочки с нравоучениями. В обращении «К читателям» составитель пишет: «Довольно опытом дознано, что молодые питомцы охотнее занимаются чтением каких-нибудь забавных романов или веселых сказочек, нежели хорошими сочинениями разумных писателей»... Составитель надеется, что дети охотно будут читать его сборник и, «взирая на благородные действия своих сверстников, будут подражать и с ними сообразоваться; а смотря на презрительные поступки избалованных юношей, воздерживаться от подобных шалостей».

Многие другие сборники имели то или иное влияние на развитие Пирогова, но самый глубокий след в его душе оставил журнал Н. М. Карамзина «Детское чтение для сердца и ума», дошедший до нас в трех изданиях.

В «Предупреждении к благородному российскому юношеству» издатели журнала объясняют «любезным детям» «причину, намерение и содержание сих листов». Причина заключается, между прочим, в отсутствии книг для детей на русском языке. Конечно, есть хорошее чтение на французском и немецком языках, особенно на последнем, но «несправедливо оставлять и собственный свой язык, или еще и презирать его».

В глубокой старости Пирогов сочувственно вспоминал это предисловие, считая, что «говорить детям и не детям одной народности между собою на иностранном языке без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения,—верх нелепости, и нелепости вредной, мешающей развитию и мысли, и отечественного языка». Он был уверен, что пренебрежение к родному языку лишило русских научной и классической литературы, послужив вместе с тем препятствием распространению охоты к чтению на своем языке: «Когда к образованию начали стремиться и низшие общественные слои, не имевшие возможности познакомиться с европейскими языками в детстве, то нечего было читать; научная и классическая литература не существовала на русском языке».

По восьмому году к мальчику был приглашен учитель, студент Московского университета, начавший занятия с отечественного языка. Этот учитель любил сочинять поздравительные рацеи, одну из кото-

рых заставил Пирогова выучить для поздравления отца с праздником; были там такие стихи:

Зарею утренней, румяной,
Лишь только разливался
В одежде солнечной багряной
Направил ангел свой полет...

Вторым учителем Пирогова был студент-медик, занимавшийся с ним переводами с латинского языка из хрестоматии Кошанского.

Когда мальчику минуло одиннадцать лет, отец решил отдать его в школу. Несмотря на свои, к тому времени, ограниченные денежные средства, Иван Иванович выбрал для своих детей лучший в Москве частный пансион Кряжева. В ряду московских педагогов первой четверти XIX века Василий Степанович Кряжев занимал довольно видное место, особенно как один из немногих русских преподавателей новых иностранных языков. Зная хорошо английский, французский и немецкий языки, Кряжев еще двадцатилетним юношей принял участие в журнале одного из первых последователей Карамзинской литературной школы — Подшивалова — «Чтение для вкуса, разума и чувствования». Сам он издавал учебники по названным языкам, по коммерческим наукам, переводил книги по естествознанию, преподавал все эти предметы в московском коммерческом училище, а позднее был его директором.

Незадолго до нашествия французов Кряжев открыл «своекоштное отечественное училище для детей благородного звания», с программой, рассчитанной на потребности купечества и мелкого чиновничества; школа эта имела целью «доставить родителям средства воспитать детей их так, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками». Пансион Кряжева скоро заслужил добрую репутацию, туда отдавали детей своих представители московской буржуазии. Учился здесь и Василий Петрович Боткин, известный друг В. Г. Белинского и И. С. Тургенева.

В этот пансион Пирогов вступил 5 февраля 1822 года. Хорошая память о нем осталась у Николая Ивановича на всю жизнь, причем самые лучшие воспоминания связаны были с уроками русского языка. «Слово,—писал впоследствии Пирогов,—с самых ранних лет оказывало на меня, как и на большую часть детей, сильное влияние; я уверен даже, что сохранившимися во мне до сих пор впечатлениями я гораздо более обязан слову, чем чувствам. Поэтому немудрено, что я сохраняю почти в целости воспоминания об уроках русского языка нашего школьного учителя Войцеховича; у него я, ребенок двенадцати лет, занимался разбором од Державина, басен Крылова, Дмитриева, Хемницера, разных стихотворений Жуковского, Гнедича и Мерзлякова». При встрече много лет спустя с Пироговым учитель

удивился, узнав, что Николай Иванович пошел на медицинский факультет, а не на словесный.

На уроках Войцеховича зародился любопытный литературный сборник, составленный 14-летним Пироговым, под названием «Посвящение трудов родителю». Здесь отразилось влияние статей «Детского чтения» с их политическими нравоучениями и других прочитанных Николаем Ивановичем книг, в том числе «Переписки Екатерины II с разными особами», откуда в сборнике приведен наиболее яркий в политическом отношении отрывок из письма Екатерины к немецкому философу Д. Циммерману.

Любопытно, какие «мысли» Екатерины II соответствовали настроению Пирогова-юноши. Приходится, конечно, иметь в виду, что молодому читателю не были ясны фальшь и фарисейство корреспонденстки Циммермана. «Я не понимаю, для чего меня страшатся мои подданные,— цитируется в сборнике Пирогова письмо Екатерины,—ибо я не хочу ужасать их, а только сделать их счастливыми; может быть, я иногда ошибалась в сих намерениях, но совершенно без умысла. Впрочем, если бы люди всегда слушались ума и добродетели, то им бы не надобно было нас».

В отроческие годы Пирогова, когда семья его вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств впала в материальную нужду, мальчик подпал под плохое влияние улицы. «Как ни любила меня семья,— рассказывает об этом Николай Иванович,—но, расстроенная и горемычная, она не могла уследить за поведением живого, резвого и нервного мальчика; к тому же это была пора рановременного развития моих половых отправления».

Мальчика стали интересовать портреты женщин, описываемых в повестях и романах, картинки с изображением женских прелестей. А тут подвернулся и молодой писарь отца Огарков, обожатель женского пола. Рассказы Огаркова интересовали Пирогова новизною содержания, и он искал случая поговорить с писарем наедине. Сальные свои рассказы писарь сопровождал демонстрациями: показывал мальчику табакерку с неприличными изображениями под крышкой, знакомил с устройством человеческого тела и различием полов. Уроки Огаркова дополнял и углублял кучер отца, Семен, учивший мальчика похабным песням.

В школе, во время перерывов между уроками, велись разговоры такого же рода, как беседы Огаркова. «Мы, мальчишки,— писал Пирогов в старости,—толковали о прелестях девушек, виденных нами в церкви, в гостях, пересказывая о занятиях и свойствах своих сестер; сообщались и более глубокие сведения».

Материальные дела Ивана Ивановича Пирогова пошатнулись вследствие бегства из Москвы его помощника с казенными деньгами. Каз-

начей провиантского депо вынужден был покрыть эту растрату из своих средств. Весною 1824 года Пирогову пришлось даже взять сыновей из дорогостоящего частного пансиона.

Николаю Ивановичу грозила карьера полутрамотного чиновника, но он избег этой участи. Домашний врач Пироговых, профессор Московского университета Ефрем Осипович Мухин, давно уже привлечший симпатии мальчика к врачебному искусству, заметил и оценил его способности. Мухин посоветовал Ивану Ивановичу подготовить сына к поступлению в университет и помог устранить главное препятствие в этом деле, зависевшее от возраста мальчика; в ноябре 1824 года Пирогову должно было исполниться 14 лет, а по тогдашнему университетскому уставу в студенты принимали молодых людей не моложе 16 лет.

Для подготовки Коли к университетскому вступительному экзамену был приглашен окончивший семинарию студент-медик Феоктистов, «порядочная дубина», по определению его ученика, «впрочем добрый и смирный человек».

11 сентября 1824 года в правление Московского университета поступило собственноручное прошение Николая Пирогова, сообщавшего, что он происходит «из обер-офицерских детей», от роду имеет «16 лет», «обучался на первое в доме родителей, а потом в пансионе г-на Кряжева и желает ученье свое продолжать в университете, в звании студента». К прошению вместо метрики приложено выданное 4 сентября 1824 года из московского комиссариатского депо удостоверение о том, что «законно прижитый в обер-офицерском звании» сын комиссионера 9 класса Ивана Пирогова Николай «имеет ныне от роду 16 лет». Представлен также выданный Кряжевным 9 сентября 1824 года аттестат, в котором удостоверяется, что Николай Пирогов обучался в пансионе «катехизису, объяснению литургии, священной истории, российской грамматике, риторике, латинскому, немецкому и французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, истории всеобщей и российской, географии, рисованию и танцованию, с отличным старанием при благонравном поведении».

Николай Иванович был допущен к вступительному экзамену. Рассказывая впоследствии об этом важном в его жизни событии, Пирогов писал:

«Я не помню решительно ничего о том, что я чувствовал, когда ехал отцом в университет на экзамен; но, верно, ни надежды, ни страх не волновали меня чересчур. Вступление в университет было таким для меня громадным событием, что я, как солдат, идущий в бой, на жизнь или смерть, осилил и перемог волнение и шел хладнокровно. Помню только, что на экзамене присутствовал и Мухин, как декан медицинского факультета, что, конечно, не могло не ободрить меня; помню Чу-